

УДК 811.161.1

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В.А. Косова

Аннотация

В статье обоснованы преимущества ономаσιологического подхода к решению проблемы словообразовательной категоризации действительности, обозначены перспективы этого ракурса исследования при изучении словообразовательной системы русского языка.

Ключевые слова: языковая категоризация мира, ономаσιологический подход, деривация, номинация, словообразовательная система, словообразовательная категория.

Одной из наиболее актуальных проблем современного языкознания, переживающего смещение научного интереса в область когнитивной деятельности языкового субъекта, является вопрос о категоризации семантического содержания. Решение этого вопроса осуществляется в рамках ономаσιологического подхода к анализу языковых явлений, который предполагает точку зрения говорящего, ищущего языковые формы для выражения того или иного внеязыкового содержания и использующего в своей речи языковую систему. Сущность этого подхода можно представить в виде следующей формулы: внеязыковое содержание – языковая форма / языковая система – речь.

Традиция ономаσιологической интерпретации языковых фактов имеет глубокие истоки, связанные с греко-римской философией языка, которая послужила базой для развития модистской ономаσιологической грамматики XIII – XIV вв., а также философских («идеологических», по выражению В. Матезиуса) грамматик XVIII в. (см. об этом: [1, с. 7]). Заслуга возрождения данного направления языковых исследований принадлежит Вильгельму фон Гумбольдту, который подчёркивал необходимость сочетания при изучении языка как семасиологического («исторического»), так и ономаσιологического («философского») подходов: «Ни один исследователь, занятый подобными штудиями, склонности и талант которого увлекают его на один из этих двух путей, не должен забывать, что язык, исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, всё же воплощается в действительности в отдельной личности и вновь модифицируется через отдельные свои проявления, а потому изучение его требует совместного, методически правильного применения чистого мышления и строго исторического исследования» [2, с. 383]. В 60-е годы XX столетия ономаσιологический принцип оценки языковых фактов был

положен в основу лингвистических исследований чешских языковедов (М. Докулила, Я. Кухаржа и др); в дальнейшем он широко используется многими отечественными и зарубежными лингвистами, в числе которых Е.С. Кубрякова, Н.А. Слюсарева, В.Г. Гак, Б. Потье и др.

Теория и практика русского словообразования, как известно, произросли на семасиологической почве, и основатель этой науки Г.О. Винокур считал словообразование разделом семасиологии. Более чем полувековое исследование языка в этом ракурсе позволило отечественным учёным разработать основы теории русского словообразования, сформировать его категориальный аппарат, а также детально описать словообразовательную систему современного русского языка, понимаемую как совокупность словообразовательных типов в их взаимодействии и совокупность словообразовательных гнезд [3, с. 133–453]. Однако, по справедливому утверждению И.С. Улуханова, «накопленный в конкретных исследованиях материал обобщён и теоретически осмыслен недостаточно» [4, с. 3]. На наш взгляд, это можно объяснить преимущественным вниманием дериватологов к единицам формально-содержательного плана (словообразовательным типам, моделям, гнездам и т. п.), исследуемых в семасиологическом ракурсе, тогда как описанный и осмысленный в этом аспекте конкретный языковой материал требует обобщения и более глубокого объяснения в рамках ономасиологического подхода: от значения – к способам, формам его выражения. Кроме того, ономасиологический подход к словообразованию весьма эффективен ещё и постольку, поскольку в большей мере соответствует его природе: «ономасиология исследует процесс создания лексической единицы, а семасиология изучает семантическую структуру и её изменения в готовых лексических единицах» [5, с. 7].

Каковы перспективы ономасиологических исследований в области современного русского словообразования? Ономасиологический подход применяется главным образом в целях выявления и изучения категориальных языковых значений, когда объектом исследования становится вся совокупность языковых единиц (форм) данного языка, выражающих некое общее значение. Следовательно, наиболее важным результатом его применения в сфере словообразования, на наш взгляд, может стать углубление представлений о такой малоизученной, но чрезвычайно важной для языка (в силу её очевидного системообразующего характера) комплексной единице, как словообразовательная категория, что создаст платформу для глубокого и детального анализа словообразовательных категорий русского языка по единой модели. Всё это позволит разработать принципиально новое представление о словообразовательной системе русского языка – в виде взаимообусловленной совокупности словообразовательных категорий, компоненты которых связаны с прочими единицами номинативной системы.

Проблематика словообразовательной категоризации языка развивается в отечественном языкознании не слишком высокими темпами, что создаёт явную диспропорцию между находящимися на вершине иерархии языковых единиц понятием «грамматическая категория», с одной стороны, и недостаточно разработанным понятием «словообразовательная категория» – с другой. Попробуем выявить причины создавшейся ситуации.

Рассматриваемый термин ввёл в научный обиход М. Докулил, указав на отличие обозначаемой им единицы от словообразовательного типа: словообразовательная категория отвлекается от единства форманта [6, с. 203]. Российские лингвисты, по мнению Е.А. Земской, незаслуженно обделили вниманием это понятие теории словообразования, хотя ещё «В.В. Виноградов в своём классическом труде «Русский язык» описывал русское словообразование, исходя из словообразовательных категорий – лица, предметности и отвлечённости» [7, с. 27]. До сих пор в языкознании не только отсутствует общепринятое представление об инвентаре словообразовательных категорий русского языка, но даже не разработаны критерии их выделения. Распределение производных по этим категориям, формулировка их названий значительно расходятся у разных авторов.

На протяжении целого ряда лет дискутировался вопрос о том, какие словообразовательные значения можно считать категориальными; в его решении обозначились две позиции, противопоставленные друг другу по степени жёсткости критериев категориальности. Одну из них, учитывающую помимо плана языкового содержания также план выражения, сформулировал, в частности, Р.С. Манучарян: «В данном языке существует та или иная словообразовательная категория в том случае, если соответствующее словообразовательное значение выражается формальными показателями, в числе которых имеется хотя бы один, выражающий – в указанных рамках – только это значение» [8, с. 214].

Аналогичные взгляды на сущность словообразовательной категории изложены в монографии Е.А. Земской «Словообразование как деятельность», которая также рассматривает наличие специализированных средств выражения словообразовательного значения в качестве основного критерия его категориальности [7, с. 162]. В числе главных задач своей книги автор называет необходимость «показать живое взаимодействие словообразовательных типов, осуществляемое в пределах словообразовательной категории» [7, с. 26–27]. Обозначенная задача реализована здесь описанием категорий имени существительного, представленных производными неологизмами – именами признака, действия, лиц, наименованиями женщин, оценочными и размерными наименованиями, именами предметов, в числе которых названия механизмов, машин, агрегатов, названия веществ, минералов, названия наук и др. Объясняя разницу в степени обобщённости понятия, объединяющего номинативные единицы в рамках одного класса, Е.А. Земская выражает убеждение в том, что словообразовательные категории могут быть разной степени абстракции, то есть различаются гиперкатегории (лицо, предмет, признак), собственно словообразовательные категории (имя действующего лица, имя жителя, имя члена коллектива и др.), а также субкатегории (лицо, создающее предмет, изучающее предмет, имеющее склонность к предмету и т. п.).

Наличие специализированных средств (средства) выражения словообразовательного значения – это, вне сомнений, необходимое условие его категориальности, однако является ли этот критерий условием достаточным? Отрицательно отвечает на этот вопрос Ю.С. Азарх, в исследованиях которой разработаны более жёсткие критерии категориальности словообразовательных значений. Категориальное значение, называемое учёным семантико-словообразовательным

в отличие от некатегориального – лексико-словообразовательного, обязательно для всех дериватов с данным формантом; оно инвариантно, контекстно независимо; формально выражено; предсказуемо; устойчиво и определяется нормой языковой системы [9, с. 40]. При последовательном соблюдении этих критериев, как утверждает Азарх, «на статус самостоятельных семантических единиц словообразования не могут претендовать не только обобщённые значения лица, орудия и т. п., которые выделяются и у непроемных существительных <...>, но и такие словообразовательные значения, как «орудие действия», «действующее лицо» или «лицо по качественному признаку», «место по признаку, названному производящей основой» (РГ-80). Такие словообразовательные значения являются по существу лексико-словообразовательными» [9, с. 41]. Итак, в разряд некатегориальных для словообразования при таком подходе попадают как словообразовательные значения, обозначенные «Русской грамматикой» предельно широко, так и значения разного уровня абстракции (конкретности), о которых пишет Е.А. Земская.

Возможно, именно то, что обозначенное противоречие в толковании одного из самых важных понятий теории словообразования пока не нашло разрешения, объясняет, почему словообразовательная категория всё ещё не стала операционной единицей описания словообразовательной системы современного русского языка. Представляется, что ономазиологический ракурс исследования, вернее, его сочетание с семасиологическим анализом производного слова может вооружить дериватологов ключом к разгадке сущности словообразовательной категориальности, и прежде всего потому, что именно этот подход позволяет выявить все языковые единицы (в нашем случае – производные слова), выражающие некое общее значение той или иной степени абстрактности. Более того, только при таком подходе становится возможным изучение словообразовательной категории как важной составляющей категориального строя языка путём сопоставления с другими языковыми категориями, то есть определения их общности, сходства, с одной стороны, и кардинальных отличий – с другой, что помогает выявлению специфических категориальных свойств.

В известной монографии Е.С. Кубряковой «Части речи в ономазиологическом освещении» убедительно показано, как в процессе развития языка происходит расподобление общекатегориальных значений – предметности, процессуальности и признаковости – на категориальные значения грамматического и деривационного (неграмматического) характера; в качестве главного критерия грамматичности значения названо свойство обязательности его выражения: «Обязательными мы считаем те значения, которые не могут оказаться не выраженными в смысловой структуре слов своего класса» [10, с. 52]. Наиболее существенно для нас утверждение автора о том, что словообразовательные категории модифицируют перечисленные общие значения «уже не в обязательной и более информативной форме» [10, с. 52]. Итак, важной особенностью категориального словообразовательного значения является свойство информативности, обязательной семантической насыщенности, поскольку важнейшая функция производного слова – номинативная, и словообразование служит тем звеном языковой системы, которое «ответственно» за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего мира человека. Следовательно, номинативная

значимость, информативность должна быть признана в качестве одного из критериев словообразовательной категориальности. С учётом этого критерия неправомерно приписывать статус категориальных таким предельно широким и потому малоинформативным формулировкам словообразовательных значений, являющимся результатом комбинаторики семантических элементов грамматического характера, как, например, «предмет по характерному для него признаку», «предмет – носитель непроцессуального признака», «конкретный предмет (одушевлённый или неодушевлённый) – носитель предметного признака» и т. п. (см. [3, с. 257] и др.).

Сравнивая словообразовательные значения с грамматическими, Е.С. Кубрякова так определяет ещё одно их кардинальное отличие: «...осуществляя те же или аналогичные смысловые деления общекатегориальных значений, они одновременно соотносят эти значения и отражают в чисто ономасиологическом плане наиболее типичные связи этих значений. Так, в уменьшительных существительных находят одновременное выражение предмет и его признак, в названиях профессий – лицо и осуществляемое им действие (резчик, лётчик) или орудие труда (тракторист, скрипач) или объект действия (грузчик, каменщик) и т. д.» [10, с. 77]. Целевая направленность производных слов на эксплицитное выражение определённой информации достигается благодаря морфемной структуре дериватов, формантная часть которой представляет собой ономасиологический базис, а основа – ономасиологический признак производного номинавания. Из сказанного следует, что атрибутивным свойством словообразовательной категории является двучленность её обозначения, соответствующая расчленённой ономасиологической структуре производных наименований. Следовательно, такие формулировки, как предметы, вещества, минералы, механизмы и т. п., в качестве обозначений словообразовательных категорий неприемлемы.

Очень важно принять во внимание тот факт, что словообразовательная система функционально вплетена в более широкую номинативную систему – лексико-семантическую, и группировки, характерные для каждой из этих систем, причудливо переплетаются друг с другом, образуя зоны пересечения, наложения или же вкрапления элементов. Таким образом, то или иное номинативное значение неграмматического характера может получить в современном русском языке выражение тремя различными способами: лексическим (единица плана выражения – слово), лексико-словообразовательным (единицы плана выражения – лексема и морфемная структура производного слова) и, наконец, словообразовательным (единица плана выражения – морфемная структура производного слова). В соответствии с этим ранее нами была высказана мысль о возможности выделения в номинативной системе русского языка – по уместной в силу изоморфизма словообразования и формообразования аналогии с грамматическими категориями – категорий трёх типов: некоррелятивных (лексических), непоследовательно коррелятивных (лексико-словообразовательных) и коррелятивных (собственно словообразовательных) [11, с. 577–578]. Позднее в работах А.В. Бондарко нам встретились другие обозначения трёх соответствующих разновидностей грамматических категорий, которые, как представляется, более адекватно отражают сущность выделяемых типов номинативных

категорий: это категории несоотносительные, потенциально соотносительные и соотносительные [12, с. 216]. Предпочтительность этих терминов очевидна, поскольку одно из центральных понятий словообразования, отражающее формально-семантическую связь между производящим и производным словами, обозначено родственным рассматриваемым терминам словом «соотнесённость». Итак, словообразовательные категории являются соотносительными, поскольку любой единице категоризируемого множества – производному слову – всегда может быть поставлена в соответствие другая единица – производящее слово. Кроме того, данное категориальное значение является, по выражению Е.С. Кубряковой, «семантической рубрикой или этикеткой» [10, с. 95], то есть обладает номинативной значимостью, имеет расчленённую смысловую структуру и по меньшей мере один формант, предназначенный для выражения этого значения.

Методика выделения и описания словообразовательной категории в свете характеристики её типа такова. Прежде всего необходимо выявить все средства выражения интересующего исследователя номинативного значения, которыми располагает языковая система. Далее все однословные номинативные единицы с заданным значением анализируются с позиций производности – непроизводности, на основании чего делается вывод о характере категории в плане соотносительности её единиц. Категории, производные слова в составе которых немногочисленны в процентном отношении, а их словообразовательные значения не содержат доминантной категориально-лексической семы, являются несоотносительными. Это понятие приложимо к таким лексическим объединениям, как тематические группы и лексико-семантические группы (названия растений, животных, мебели, глаголы звучания, движения и т. п.). Ввиду традиционного разграничения соответствующих понятий гипероним *лексическая категория* распространения в языкознании не получил.

Если рассматриваемое категориальное значение реализовано в языковой системе как собственно лексическими средствами (при условии неединичности таких слов, исключая супплетивизм), так и посредством морфемного способа словообразования, можно сделать вывод о частично соотносительном (потенциально соотносительном) характере ономаσιологической категории. Этим свойством обладает значительное количество категорий системы номинативной деривации современного русского языка, объединяющих производные с мутационными словообразовательными значениями и непроизводные номинации с тождественной ядерной лексической семой. Так, например, категория лица – производителя действия представлена многочисленными дериватами со словообразовательным значением «лицо – производитель (субъект) действия»: носильщик; «лицо – носитель процессуального признака»: трудящийся; «лицо – носитель предметного признака» (с конкретизациями этого признака как объекта деятельности лица: паркетчик; места его деятельности: типографщик и т. п.) [3, с. 256–264]. Однако помимо этого названное значение выражается в русском языке множеством непроизводных (в том числе утративших внутреннюю форму) слов: монтёр, скорняк, портной, маляр, врач, прачка, актёр, артист, клоун, паяц, бондарь, гончар, юрист, бухгалтер, акушер, режиссёр, художник, композитор, диктор, каскадёр, нотариус, официант, пилот, ветеринар, парикмахер и др.

В том случае, если анализируемое значение нашло в языке собственно словообразовательную реализацию, то есть передаётся лишь производными словами (наличие единичных непроеводных слов, которые можно квалифицировать как супплетивные средства, для установления типа категории несущественно), необходимо выявить словообразовательную модель, формирующую доминантный словообразовательный тип в составе данной категории, и определить семантический объём соответствующего форманта (не предназначен ли последний для выражения более широкого значения и не является ли он полисемантическим). Образец подобного анализа представлен в упомянутой ранее монографии Е.А. Земской в связи с решением вопроса о существовании в русском языке словообразовательного значения подобия. Положительный вывод автора аргументируется, в частности, свойством моносемантичности одного из формантов, обнаруживающих активность при создании дериватов с этим значением в сфере специальной терминологии, – заимствованного суффикса -оид: металлоид, радикалоид, префиксоид и др. [7, с. 161–162]. В контексте наших рассуждений на этом основании можно сделать вывод о существовании, вернее, о формировании в современном русском языке словообразовательной категории названий субстанции по признаку подобия.

Перечень словообразовательных значений, выражаемых производными словами в современном русском языке, с большей или меньшей степенью точности представлен в главе «Словообразование» академической «Русской грамматики» [3, с. 133–413]. Описанные выше особенности словообразовательных значений, которые, на наш взгляд, могут быть признаны критериями словообразовательной категориальности, могут послужить платформой для обобщающих исследований с целью выявления набора «тех общих значений, которые находят в данном языке специальную форму своего выражения и которые регулярно передаются и могут быть переданы и новыми названиями с помощью особых материальных средств» [10, с. 95]. Е.С. Кубрякова, обосновывая важность теоретического осмысления этой проблемы, утверждала, что редко для какого языка можно было бы найти описание всех ономасиологических категорий, которые характеризуют его «ноэтическое пространство» [10, с. 99]. Думается, что время для подобных исследований в сфере русской словообразования наступило, и прежде всего в связи с возросшим интересом учёных-гуманитариев к проблемам когнитивистики. Наличие в языке формальных средств регулярного выражения тех или иных номинативных значений служит неопровержимым доказательством объективности отражаемых соответствующими деривационными моделями семантических связей – наиболее значимые из них являются межъязыковыми, универсальными для языков морфемного строя. Кроме того, выявление особенностей словообразовательной категоризации действительности в каждом языке обогащает исследователей бесценным материалом, позволяющим делать заключения о специфике национального мировидения ввиду преимущественного внимания носителей данного языка к каким-либо специфическим конкретизациям общих значений предмета, признака, действия.

Summary

V.A. Kosova. Onomasiological Approach as a Basis for Researching Word-Formational Reality Categorization.

The article reveals advantages of onomasiological approach to solving the problem of word-formational reality categorization. Perspectives of this research aspect are outlined with regard to studying the Russian language word-formation system.

Key words: linguistic categorization of the world, onomasiological approach, derivation, nomination, word-formation system, word-formation category.

Литература

1. *Даниленко В.П.* Ономаσιологическое направление в грамматике. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 344 с.
2. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 440 с.
3. *Русская грамматика.* – Т. 1. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
4. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
5. *Топорцев И.С.* Предмет, задачи, материал и методы ономаσιологии // Проблемы ономаσιологии. Науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. – Орёл, 1974. – Т. 21, № 1.
6. *Dokulil M.* Tvořeni slov v češtině 1. Teorie odvozovani slov. – Praha: Academia, 1962. – 263 s.
7. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
8. *Манучарян Р.С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.
9. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
10. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 115 с.
11. *Косова В.А.* К типологии категорий и парадигм номинативно-деривационной системы // Deutsch-russischer Dialog in den Philologien. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – S. 567–592.
12. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Поступила в редакцию
27.08.08

Косова Вера Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.